

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

В ЧЕСТЬ М.А. ДЭВЛЕТ

2 (60)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2018

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *А.Ф. Строев* (Париж), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),
д.и.н. *Э.Д. Фролов* (Санкт-Петербург), д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *М.Д. Бухарин* (Москва),
д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск), д.филол.н. *А.П. Власкин* (Магнитогорск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва), д.и.н. *Е.Г. Дэвлет* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Симферополь),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулержкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2018
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2018
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

**JOURNAL
OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES**

IN HONOR OF M.A. DEVLET

2 (60)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2018

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Eduard Frolov* (Saint-Petersburg),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol), Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów),
Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent), Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin),
Prof. *Alexander Stroev* (Paris), Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *Ekaterina Devlet* (Moscow), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Prof. *Valentina Mordvintseva* (Simferopol),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Alexander Vlaskin* (Magnitogorsk)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

ЮБИЛЯРУ – МАРИАННЕ АРТАШИРОВНЕ ДЭВЛЕТ

У Марианны Арташировны Дэвлет – *yubilaem*. Легко говорить о ней. Об ученом, прекрасном человеке, удивительной женщине, всю себя посвятившей увлекательной науке археологии, окрасившей ее жизнь в яркие краски – в цвета дорог, оттенки плит с наскальными рисунками, в солнечные блики полноводного Енисея, огонь ночного костра, в звездный свет, заливающий степь... А также открывшей перед ней научные и музейные архивы и подарившей возможность встретиться с блестящими учителями – С.В. Киселевым, Б.А. Рыбаковым, А.В. Арциховским, О.Н. Бадером, Д.А. Авдусиным, Г.А. Новицким. Эта прекрасная школа вдохновила ее на изучение древней истории племен бассейна Среднего Енисея, наполненной удивительными археологическими материалами, среди которых главное место занимали милые сердцу предметы древнего искусства. И археология много лет назад погрузила ее в таинства жизни и мировоззрения древних людей, зашифрованных в загадочных рисунках Верхнего Енисея, и не отпускает по сей день. Еще и сегодня не исчерпаны ее личные архивы, из них извлекаются новые сюжеты – основа статей и книг, которых уже, возможно, и не так много, как в былые годы, но каждая тем более ценна. В 2012 г. Президиум РАН присудил М.А. Дэвлет и Е.Г. Дэвлет премию имени И.Е. Забелина за монографию «Мифы в камне».

Мир наскального искусства России» (М., 2005). И это не просто мир рисунков на скалах, а мир идей нашего юбиляра, мир, с которым она так щедро делится не только с профессиональными археологами, но и с самым широким кругом читателей. Уже нет сотен рисунков, некогда скопированных Марианной Арташировой на памятниках наскального искусства Верхнего Енисея, – они затоплены, разрушены природой и человеком, но они живут в ее замечательных работах и теперь будут жить вечно. За бесценный вклад в изучение этого края Марианне Арташировне присвоено звание Заслуженного деятеля науки Республики Тыва.

Мы, коллеги, друзья и ученики Марианны Арташировой Дэвлет, сердечно поздравляем ее с юбилеем и желаем крепкого здоровья, неиссякаемого оптимизма, бодрости духа и новых творческих успехов!

Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2018), 7–24
© The Author(s) 2018

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2018), 7–24
© Автор(ы) 2018

О ВОЗМОЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ ДЕКОРАТИВНОГО
ИСКУССТВА И ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ
(по материалам раннесредневековой металлической пластики
Центральной Азии)

Г.Г. Король*, О.Б. Наумова**

* *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

ggkorol08@rambler.ru

** *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва,
Россия*

olganauмова@mail.ru

Аннотация. В статье выдвинуты проблемы, связанные с часто возникающим перед исследователями древнего и средневекового искусства вопросом о правомерности и реальной возможности сопоставления образов, мотивов, сюжетов в искусстве с материалами фольклорных источников – мифов, эпических произведений, народных преданий, сказок и пр. Интерес представляет тюркский эпос, основной пласт которого сложился, по мнению специалистов, в раннем средневековье. Обозначены аспекты его формирования и развития. Этот вид фольклора наиболее востребован при исследовании возможностей его использования для интерпретации декоративного искусства раннесредневековых кочевников Центральной Азии. Последнее представлено в основном ременной гарнитурой и другими предметами из цветного металла, украшавшими коня и всадника. Изделия декорированы в особом стиле, распространившемся у кочевников в раннем средневековье. Художественная система орнаментации и декора – растительного, зооморфного, сюжет-

Король Галина Георгиевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Наумова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00257.

но-антропоморфного и геометрического, включающего и смысловые мотивы, позволяет рассмотреть на этой основе предполагаемую многими предшественниками связь декоративного искусства разных эпох с эпосом. Рассмотрение обоих видов искусства – визуального и вербального – позволило сформулировать общие черты их стилистики и образов, а также некоторые закономерности развития. Обе ветви искусства можно рассматривать как единый культурный феномен конкретной эпохи. Обозначен уровень сопоставления этих видов искусства на примере структурных элементов художественной системы декоративного стиля. Сделан вывод о том, что раннесредневековое декоративно-прикладное искусство кочевников Центральной Азии перспективно для изучения не конкретных прямолинейных сопоставлений (хотя бывают исключения), а для выявления мировоззренческих основ и реальных исторических условий его возникновения и развития.

Ключевые слова: раннее средневековье, кочевники, Центральная Азия, декоративно-прикладное искусство, ременные украшения из цветного металла, система декора, фольклор, героический эпос

Фольклорные источники, прежде всего мифы, эпические произведения, народные предания, сказки и пр., нередко привлекаются учеными для решения самых разных проблем: от использования в качестве составляющей в комплексных исследованиях (с привлечением, в том числе, данных изобразительного искусства), направленных на решение этногенетических проблем, например, такой многогранной, как заселение человеком Нового Света¹, до поиска аргументов или иллюстрации собственных доводов в этнографических исследованиях². Но чаще всего к лингвистическим источникам, а именно фольклорным, обращаются археологи при изучении древнего и средневекового искусства разного плана: как петроглифов³, так и других изобразительных памятников⁴.

Среди исследователей петроглифов «пальму первенства» в привлечении фольклорных источников можно уверенно отдать М.А. Дэвлет. Многолетняя полевая работа, прежде всего на территории Саяно-Алтая, выявление аналогий в Центральной Азии, знакомство с материалами других регионов России, интерес к поиску объяснений отдельных фигур, сюжетов и даже целых композиций на скалах обобщены в фундаментальном томе «Мифы в камне: Мир наскального искусства России», в котором подход к использованию фольклорного материала очень осторожный, с учетом непрямолинейности связи словесных текстов и изобразительного источника, изучаемого археологами⁵. Глава «Мифы и легенды, запечатленные на скалах», в которой по крупицам собран из разнообразных и многочисленных фольклорных источников конкретный материал, и сама стала источником для работы не только с петроглифами, но и другим изобразительным археологическим материалом.

В качестве примера назовем декорированные металлические изделия малых форм – поясные и другие украшения кочевников степной Евразии. Подобные из-

¹ Васильев и др. 2013.

² Например: Сагалаев, Октябрьская 1990; Сагалаев 1991; и мн. др.

³ См., например: Советова 2005, там же многочисленная литература.

⁴ Ермоленко 2008, там же подробная историография проблемы их интерпретации на основе героического эпоса кочевников Евразии.

⁵ Дэвлет, Дэвлет 2005, 87–90.

делия украшались не только орнаментом, но и сюжетными изображениями, нередко имели специфическую форму (птиц, животных). Исследователей всегда привлекает попытка разгадать смысл таких предметов и изображений, понять, почему они пользовались особой популярностью и даже почитанием, почему хранились как семейные реликвии и попадали в клады как ценность, возможно, не одного поколения рода⁶. Для поиска вариантов интерпретации некоторых образов декора этих средневековых бляшек обращение к упомянутой книге чрезвычайно плодотворно.

Другие аспекты использования фольклорных источников рассматривались этнографами и фольклористами на стыке наук, в том числе археологии. Об этом следует сказать, ибо некоторые из данных исследований важны для настоящей работы. Интерес к фольклорной тематике в отечественной этнографической науке то разгорался, то затухал в зависимости от популярности и актуальности тех или иных тем. Так, в конце 1950-х годов Т.А. Жданко упрекала коллег за слабое привлечение эпических произведений к историко-этнографическому изучению народов, хотя и дала ссылки на некоторые подобные исследования⁷. Сама же она использовала каракалпакский эпос «Кырк кыз» для доказательства существования у предков каракалпаков «общественного строя с явственными чертами матриархата», «архаических форм семейного быта, связанных с матриархатом и групповым браком»⁸.

В 1970–1980-е годы большой вклад в интеграцию фольклористики и этнографии внесла Р.С. Липец. Будучи фольклористом, она в своих работах привлекала этнографические материалы для объяснения эпических «реалий» – событий, явлений, действий героев и т.п. Так, прежде чем представить картину угона табунов в эпоху тюрко-монгольских народов, Р.С. Липец на основе этнографических материалов раскрыла причины и особенности казахской барымты как допустимой обычным правом мести обидчику. Она же отмечает пренебрежение к джатакам (безлошадным соплеменникам, не имевшим возможности кочевать), бытовавшее у кочевников и полукочевников и зафиксированном в эпосе, и т.п.⁹

Работая в Институте этнографии АН СССР, исследовательница инициировала публикацию двух сборников, в которых этнографы использовали фольклор (в основном эпос) в качестве источника для изучения этногенеза и этнокультурных связей народов¹⁰. Помимо статей, написанных на этнографических и фольклорных материалах конкретных народов Юго-Восточной и Средней Азии, Сибири, Америки, Кавказа и др., сборники содержали теоретические работы В.П. Алексеева. В частности, он рассмотрел роль этногенетических преданий для реконструкции этнической истории и пришел к выводу, что они сохраняют память о позднем периоде этногенеза, «практически последнего тысячелетия»¹¹.

⁶ Например, интересны интерпретации так называемого Тухтятского клада из Минусинской котловины на Среднем Енисее, сокрытого, возможно, на рубеже I–II тыс. в период нестабильности в регионе. См. Король 2008, 191, 192.

⁷ Жданко 1958, 110.

⁸ Жданко 1958, 115–117.

⁹ Липец 1984, 167, 168, 171, 244, 245.

¹⁰ Липец 1977, 1983.

¹¹ Алексеев 1977, 31.

Исследования того времени показали продуктивность обращения к фольклорному материалу и особенно к эпическим жанрам – мифам, историческим преданиям, героическому эпосу – при изучении проблем этногенеза, этнической истории и этнокультурных связей. Но каков потенциал фольклорных данных для решения других археологических и историко-этнографических проблем, в частности, реконструкции реалий жизни создателей фольклора, таких, как, например, предметы материальной культуры, экономические и социальные отношения, мировоззрение и верования предков современных народов? При решении подобных вопросов надо учитывать, что в качестве историко-этнографического источника фольклор требует особого подхода, причем для каждого жанра необходима своя методика. Ее разработка представлялась одной из первоочередных, хотя и наиболее трудных целей фольклористики¹².

Задача настоящей статьи – на фоне рассмотрения проблем формирования и развития тюркского эпоса, который наиболее востребован при исследовании возможностей его использования для интерпретации декоративного искусства раннесредневековых кочевников Центральной Азии и предполагаемой связи декоративного искусства с эпосом, обозначить уровень сопоставления обоих видов искусства, а также сформулировать их общие черты и некоторые закономерности развития. Такая задача может рассматриваться и как методическая.

Декоративное искусство и фольклор. Декоративное искусство по своей сути представляет двойственное явление. Оно отражает одновременно и материальный аспект жизни общества, его производящего и/или потребляющего, и духовный, проявленный в содержании искусства, его понимании и восприятии. К духовной составляющей жизни того или иного народа относятся также мировоззрение, ритуальная обрядность, мифология, эпос и в целом фольклор. Проблемам связи раннекочевнического и раннесредневекового искусства тюрков Южной Сибири с тюрко-монгольским эпосом особое внимание уделил М.П. Грязнов. Его работы до сегодняшнего дня служат образцом в части тщательной аргументации предлагаемых сопоставлений конкретных произведений искусства (в основном тюркетики) с эпическими сюжетами. Подробный анализ достижений М.П. Грязнова в этой тематике провела Р.С. Липец в единственной в своем роде историографической работе о проблеме взаимодействия тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии¹³. Она подчеркнула особое значение выводов исследователя о древних истоках героического эпоса кочевников, который уже, несомненно, существовал во второй половине I тыс. до н.э., судя по сложным сюжетным композициям в декоративном искусстве, представленным преимущественно на бронзовых литых поясных бляхах.

Взаимоинтерпретация слова и вещи – образов эпических произведений (шире – фольклора) и образов декоративно-прикладного искусства – чрезвычайно плодотворная как для развития обеих ветвей искусства, так и для их изучения, требует, по мнению специалистов, не совпадения, не тождества, а дополнительнойности смыслов. Чтобы понять и глубоко проникнуть в содержание мифическо-

¹² Липец, Серов 1977, 6.

¹³ Липец 1982.

го или эпического образа, хочется увидеть его воплощенным, овеществленным. А чтобы понять смысл изображения на любом археологическом предмете, необходимо знание соответствующих преданий и легенд, эпических сказаний. Таким образом, художественная система народного творчества едина, но представлена двумя ветвями: фольклором и декоративно-прикладным искусством. По мнению искусствоведа, «через вещь и изображение на ней осуществляется совмещение двух планов: художественного или мифического (то есть отражения реальной действительности) и самой действительности, в результате которого образ утилитарно осмысливается»¹⁴.

Историки фольклора также считают необходимым его комплексное изучение как части единства народного творчества. «Современная методология требует настойчивого преодоления ставших традиционными взглядов на фольклор как явление по преимуществу (или целиком) вербальное <...> особые перспективы открывает <...> раскрытие синкретической сущности фольклора и исследование его как единого комплекса явлений, включающих его слово, музыку, танец и любые вариации движений, заключающие в себе смысл и знаковость предмета с единой семантикой, *орнамент и другие формы изображения, ритуальный инвентарь* (выделено авторами. – Г.К., О.Н.), систему представлений о мире, выражаемую самыми различными способами и средствами»¹⁵.

Формирование и развитие тюркского эпоса. Эпические жанры, преимущественно героический эпос, на который опираются авторы в своем исследовании, складывались на протяжении длительного времени, в течение которого в одном произведении наслаивались и перемешивались историко-генетические слои разных эпох. Сопоставив эпосы тюрко-монгольских народов («Джангар», «Манас», «Гэсэр») с памятниками их материальной культуры, в частности, хорошо датированным прикладным искусством, С.И. Вайнштейн и Р.С. Липец выделили три таких слоя: эпохи бронзы; ранних кочевников (по параллелям со скифо-сибирским звериным стилем); поздних кочевников (привлекая материалы петроглифов)¹⁶. Эта хронология слоев детализируется для каждого эпоса, что обусловлено конкретными событиями истории формирования народа. Ранее Т.А. Жданко¹⁷ обнаружила четыре наслоения в каракалпакском «Кырк кызе»: период существования племен Приаралья VI–IV вв. до н.э.; средневековых тюркских племен вплоть до новейших влияний; каракалпаков и исторические события XVIII в.; и, наконец, слой с отражением реалий, привнесенных революцией и национально-государственным размежеванием в Средней Азии. В пластах «Манаса» отразились взаимоотношения киргизов с уйгурами и тюрками – VII–IX вв.; с киданями – X–XI вв., события XV–XVIII вв.¹⁸

Исследователи героического эпоса народов Саяно-Алтая и их истории единомышленно считают, что в раннем средневековье формировался основной его «пласт»¹⁹. Датировке как более древнего мифологического «пласта» или элемен-

¹⁴ Фадеева 1979, 290.

¹⁵ Путилов 1986, 21.

¹⁶ Вайнштейн, Липец 1980, 62–69.

¹⁷ Жданко 1958, 113, 114.

¹⁸ Мусаев 1984, 430, 431.

¹⁹ См., например: Унгвицкая, Майногашева 1972, 101–141.

тов, так и раннесредневекового в определенной мере способствовали и исследования археологов по сопоставлению отдельных изобразительных предметов с атрибутами определенной эпохи, известными по археологическим источникам, с сюжетами эпических произведений.

Однако при хронологической привязке эпических реалий надо помнить, что четко разделить в эпосе историко-генетические напластования невозможно: «все эти слои в нем не только перемешаны, но и органически переработаны каждый в себе в течение многих веков. Поэтому понятие “слой” в непрерывно живущем и модифицирующемся эпосе может быть принято лишь условно»²⁰. Это же можно сказать об определении этнокультурной принадлежности эпических «реалий»: на протяжении столетий эпос вбирал устные традиции не одной культурной общности. Показателен в этом отношении пример «Гэсэра», который, сформировавшись в Тибете, через Монголию проник в Бурятию²¹.

Тюркский эпос характеризуется сходством у современных тюркских народов. Некоторые специалисты рассматривают тюрко-монгольский эпос как единое явление, основанное не столько на взаимовлиянии тюркских и монгольских народов в Центральной Азии (включая и Среднюю Азию), сколько на единстве и преемственности мифологических традиций в сменяющих друг друга государствах. (Формирование основного «пласта» монгольского эпоса происходило во II тыс. в сходных во многом с древнетюркским временем исторических условиях.)

Выдающийся знаток и исследователь тюркского героического эпоса В.М. Жирмунский рассматривал его как явление стадияльное. Формирование эпоса происходило в ходе этногенеза, в процессе формирования народов и государств. Один из пиков этого процесса приходился на раннее средневековье. Сходные черты в эпосе разных народов (не только тюркских) проявляются в идеях, образах, мотивах, сюжетах, композиции и стиле даже там, где между этими народами не было исторического соприкосновения и культурного взаимодействия. Типичные идеи и образы, мотивы и сюжеты возникали у народов, проходящих одинаковые ступени развития общества и, соответственно, имевших сходные явления в идеологии²². Еще больше проявляется сходство в эпосе у народов с общими генетическими корнями и историческими судьбами, к примеру, у тюркских народов. В этом случае велико значение как общего мифологического пласта, так и культурного взаимовлияния тюркских племен между собой и народов, с которыми они вступали во взаимодействие в раннем средневековье.

Один из методических приемов фольклористов – сравнительное изучение версий общего для ряда народов эпического сюжета. Оно показывает, что на фоне общей традиции сюжета каждая из версий имеет особенности, отражающие специфику конкретного народа. Устная эпическая традиция – развивающийся процесс, открытый как внутренним изменениям в развитии конкретного этноса, так и внешним воздействиям.

Специалисты отмечают хорошо прослеживаемое иранское (шире – индоиранское) влияние на мифологию народов Сибири и Центральной Азии, в том числе и тюркских. Это влияние зиждется и на непосредственных контактах ран-

²⁰ Вайнштейн, Липец 1980, 62.

²¹ Неклюдов 1984, 164.

²² Жирмунский 1961, 192, 193.

несредневекового населения, но в первую очередь – на некой более древней основе: контактах в евразийских степях в раннем железном веке и, возможно, в эпоху бронзы предков как ирано-, так и тюркоязычных народов. Мифологические сюжеты и образы иранского происхождения составляют неотъемлемую часть тюркского фольклора, в том числе эпических сказаний. Среди ярких примеров – иранские мифологическая птица Хумай/Хомай, а также Сэнмурв (собака-птица) и тюркские Хумай/Умай, а также Хубай-хус (собака-птица). Отмечены и буддийское, и манихейское влияния, проявившиеся в именах эпических героев и богов в фольклоре, а также в памятниках древнетюркской письменности.

Наблюдалось и обратное воздействие тюркских элементов и даже эпических сюжетов на иранский эпос; контакты древних тюрков с монголами, китайцами, тибетцами также отражены в эпосе²³. При этом отмечается творческая переработка заимствованных элементов. Такое переосмысление истории фольклора считают одним из законов развития фольклора (и эпоса как его части) и на собственной основе любого народа – традиционного быта и культуры²⁴.

Такова краткая характеристика важных для нашей темы проблем формирования тюркского эпоса и закономерностей развития фольклора в целом как явления народной культуры.

Возможности сопоставления декоративного искусства с эпосом. Для сопоставления с эпическими произведениями, судя по предпринятым учеными попыткам при исследовании декоративно-прикладного искусства разных эпох и народов, наибольший интерес представляют сюжеты с антропоморфными и зооморфными персонажами, которые можно было бы идентифицировать. Традиционное мировоззрение народа, его верования, исторический опыт развития, включающий внутренние и внешние процессы, дающие стимул взаимовлияния и взаимообогащения культур не только ближайших соседей, но и географически отдаленных народов, служат плодотворной почвой развития как фольклора (в том числе эпоса), так и декоративного искусства, двух сторон традиционного искусства.

Художественная система раннесредневекового декоративно-прикладного искусства кочевников Центральной Азии, представленная таким массовым материалом, как ременные и другие украшения (преимущественно из цветного металла) всадника, его снаряжения и снаряжения коня – система орнаментации и декора – содержит в себе структурные элементы (растительный, зооморфный, антропоморфный типы), позволяющие искать точки соприкосновения с мифологией и героическим эпосом. Наиболее яркий по декору и представительный в количественном отношении комплекс происходит из региона Саяно-Алтая и сопредельных территорий рубежа I–II тыс. В других регионах Центральной Азии представлены однотипные предметы, декорированные, по сути, в характерном узнаваемом стиле эпохи.

Антропоморфно-сюжетных изображений, как самостоятельных, так и в сочетании с зооморфными, в материалах металлической декорированной пластики (торевтике малых форм) известно немного, но они в первую очередь и привлекают внимание исследователей в поисках источников возможных интерпретаций сюжетов и отдельных изображений. Основная особенность ременных украшений – их

²³ См., например: Рифтин 1982, 106–109; Короглы 1983, 320; Сагалаев 1984.

²⁴ Путилов 1977, 10–12.

«наборность», дающая возможность «составления сюжета» накладками с одиночными персонажами. Реконструируемые условные «сюжеты» декларативны, им нет соответствий в частных сюжетах эпоса тюркских народов Саяно-Алтая (шире – Центральной Азии), но они есть в традиционном мировоззрении, мифологии. Иконография образов на первый взгляд внешне чужда культуре тюрков, но им можно найти некоторые соответствия в традиционном мировоззрении, известном по памятникам древнетюркской письменности и этнографическим данным, записям устных обрядовых и фольклорных образцов, эпосу. Иконография изображений заимствована, но служит инструментом воплощения в изобразительной форме (или объяснения через нее) собственных идей.

С основной особенностью («наборностью») ременных украшений связана и другая характерная черта – составление набора или «сюжета» из бляшек неодновременного изготовления (первичные и вторичные). Представляется, что «сюжет» создавался или, возможно, заказывался не ради того, чтобы зафиксировать устные предания, легенды, эпические песни, а тем более – жанровые сцены, или просто украсить, скажем, пояс (в культуре многих народов он важен сам по себе, имеет особый статус и значение). Делалось это, возможно, в целях наглядного проявления, а значит усиления той или иной семантической нагрузки, которую несло изображение. Подчеркнем, что понимать сюжет мастер, его создавший, и владелец готового изделия могли по-разному, так как они могли быть этнически разного происхождения. Изначальная семантика сюжетов могла переосмысливаться и трактоваться по-новому, поэтому возникала потребность изготавливать вторичные изделия (и не один раз), худшего качества, но восполнявшие недостаточное количество первичных.

Зооморфные изображения в рассматриваемом искусстве в количественном отношении также незначительны, как и антропоморфные. Абсолютно преобладают в нем самостоятельные зооморфные изображения (иногда в сочетании с растительным орнаментом) и фигурки. Сочетания с антропоморфными образами представлены преимущественно всадниками.

Сопоставимы ли в принципе образы декоративно-прикладного искусства с образами животного мира в эпических произведениях? В.А. Коренько пришел к выводу, что для задач анализа и интерпретации анималистики в декоративно-прикладном искусстве древних кочевников (на примере скифо-сибирского звериного стиля) фольклорные зооморфные образы и мотивы неинформативны²⁵. Выделенные им особенности зооморфных мотивов в тюрко-монгольском фольклоре (в первую очередь лаконичность вплоть до простого упоминания животных или птиц, описание зооморфных изображений как декора бытовых объектов, снаряжения героя и т.п., многочисленные сравнения, в которых используются зооморфные образы, отсутствие деталей) прекрасно соответствуют, на наш взгляд, стилистике зооморфных изображений в раннесредневековом декоративно-прикладном искусстве.

Как и в эпосе, в декоре мы видим разнообразный, но вполне определенный набор образов, они статичны и мало информативны. Можно назвать только самое общее видовое имя; лишь парные изображения животных у «древа» да «летающих»

²⁵ Коренько 2002, 80–84.

(в том числе над горами) оленей (с крыльями и без них) можно сопоставлять с какими-то мифическими представлениями или эпическими сюжетами. Но конкретности мы все же никогда не отыщем, так как зооморфные образы в рассматриваемых памятниках декоративно-прикладного искусства – зачастую именно образы или символы. Объединяет оба вида искусства как раз простое наличие определенных видов животных и птиц, некоторое совпадение систематики, но главное – мифический пласт, который также богат такими образами. Отметим: наличие в декоративном искусстве животных с фантастическими чертами; популярность образа летящей водоплавающей птицы – характерного элемента мифологии тюркских и других народов Сибири; фиксируемая связь с растительными мотивами, явно смысловое сочетание образов животного мира и растительности в одном сюжете (олени – рыбы – цветы; фениксы – растения на накладках на сумочку для огнива; в эпосе иногда огниво используется для оживления героя; птицы – рыбы – растения: в эпосе частые объекты для оборотничества, превращения в них героев), образ всадника, главного героя не только жизни общества, ведущего частые войны, но и всех эпических произведений.

Судя по этим характеристикам, именно мифологический пласт и сам жизнеутверждающий дух произведений искусства устного и визуального делают их дополняющими друг друга источниками анализа и взаимной интерпретации образов анималистики на уровне идей, но не конкретных деталей или морфологии. При этом спектр животного мира в эпосе все же гораздо более разнообразен и богат²⁶, чем в декоративном искусстве. В последнем, по-видимому, визуализированы наиболее значимые и понятные для восприятия образы.

Можно заключить, что ни антропоморфный, ни зооморфный коды декора раннесредневекового декоративно-прикладного искусства кочевников Центральной Азии не содержат конкретной информации, позволявшей бы проводить сопоставление с сюжетами эпических текстов (шире – фольклора, отражающего мифологию, верования и мировоззрение народа), но в них отражено, по словам Р.С. Липец, в некоторой степени «единство идейно-художественных систем обеих ветвей искусства»²⁷.

Это единство идейно-художественных систем отражено в наибольшей мере в растительном орнаменте. Главная цель эпического героя – победа над врагами и обстоятельствами. Почти все живое вокруг (кроме слуг врага) помогает ему в этом. Практически те же задачи стояли перед тюркскими (в широком смысле) воинами в древнетюркскую эпоху. Растительный код в декоративном искусстве наилучшим образом выражает концепцию бессмертия, бесконечного возрождения жизни. В основе структуры большинства растительных композиций – схема «древа» в разных вариантах. Даже симметричность многих композиций можно сопоставить с этнографическими материалами. Пара антиподальных деревьев (одно как бы «свисает» вниз, другое растет нормально, навстречу первому) может символизировать взаимосвязь миров (небесного, срединного и подземного), т.е. круговорот жизни. При этом А.М. Сагалаев отмечает, что тюркское слово, обозна-

²⁶ Подробней см. Король 2008, 145–150.

²⁷ Липец 1982, 190.

чающее звезду, имеет второе значение – корень²⁸. Исследования мировоззрения тюркских народов, отразившегося в мифологии и ритуальной обрядности, позволили говорить об «особой роли вегетативного кода и дерева как его абсолюта в полифонии тюркской культуры»²⁹.

Можно предположить, что символ жизни, природы, человека и всего рода и их процветания, идея бессмертия и круговорота жизни получили прекрасное воплощение в растительном декоре, преобладавшем в раннесредневековых украшениях (защите воина и его коня) рассматриваемого декоративно-прикладного искусства кочевников Саяно-Алтая (шире – Центральной Азии). Близки эти символы были и любому члену общества. Знак «древа», растительности служил оберегом и гарантией плодородия и сохранения самой жизни. Магическое значение зооморфного декора воинского снаряжения, усиливающего возможности самого воина, известны по эпическим сказаниям³⁰. Аналогичным образом, как магическая помощь и защита, могло мыслиться и воздействие ременных украшений, нередко сплошь покрытых растительным орнаментом и декором. Традиционное мировоззрение тюрков было основой популярности растительного кода декоративного искусства – предложенного исторической ситуацией и принятого тюркскими племенами раннего средневековья идеального зрительного выражения мировоззренческих взглядов и устной мифологической и эпической традиции. Дополняющими элементами были смысловые геометрические мотивы, зооморфные образы и единичные антропоморфные.

Что позволяет рассматривать изобразительный и вербальный виды искусства как единое явление и обращаться к объяснениям, взаимодополнениям смыслов, образов, сюжетов? Это, прежде всего, общие закономерности формирования и развития изобразительного и вербального видов искусства в рассматриваемую эпоху. Главный фактор, позволяющий искать общие закономерности, – стадийное сходство. Орнаментально-декоративный стиль в раннем средневековье и эпос тюркских народов формировались в одно время, в одних и тех же условиях определенного хозяйственного уклада (кочевое и экстенсивное скотоводство) и военно-политических действий, в особый для этих народов исторический период. Становление ранней государственности тюрков, военная и политическая экспансия требовали утверждения самосознания, закрепления его через устное эпическое творчество и зрительное воспроизведение устной мифологической и эпической традиции, отражающей особенности тюркских племен и отличающей их от окружающего мира. Именно к этой героической эпохе относят фольклористы, как уже говорилось, формирование основного «пласта» героического эпоса.

²⁸ Подробно см. Сагалаев 1991, 113. Подборку информации о шаманском дереве «с отсеченной вершиной», каким можно воспринимать дерево корнями вверх, или «грибовидное дерево», известное по наскальным изображениям в Минусинской котловине (Панкова 2012, 93, рис. 5; 8), см. Рыбаков 2014. Информация автора интересна для иллюстрации того, что подобные изображения деревьев были атрибутом картины мира и шаманского культа, а значит, неотъемлемой частью мировоззрения носителей шаманизма.

²⁹ Наиболее полно см. Сагалаев, Октябрьская 1990, 43–63; Сагалаев 1991; о богатстве репертуара флоры в эпосе саяно-алтайских народов см. Король 2008, 154–157.

³⁰ Орус-оол 1997, 1055–1065, 1803–1810; Гребнев 1960, 67, 88.

В эту же эпоху появляется и развивается в декоративном искусстве тот условный «пласт», который сохранился и в традиционном искусстве современных тюркских народов (южносибирский тип – по С.В. Иванову³¹, позднекочевнический историко-генетический слой – по С.В. Вайнштейну³²). Помимо криволинейного орнамента, важнейшая его составляющая – орнамент растительный. Таким образом, декоративный стиль, как и эпос, формируется на общей идейной основе в период становления этноса и государственности.

Другой немаловажный фактор – активные контакты как между самими тюркскими племенами, так и местным населением локальных территорий, вовлекаемых в орбиту государственных образований тюрков. Они вели к активному взаимобмену культурными достижениями, чему способствовали общие корни многих народов евразийских степей, проявленные в их единстве, а также в преемственности истории и культуры в эпоху бронзы и особенно в скифскую эпоху, когда для развития культуры и формирования некоей культурной общности были важны активные и плодотворные контакты с городскими оседлыми цивилизациями. Раннее средневековье – также эпоха наиболее активных и плодотворных контактов с городскими цивилизациями, где в прикладном искусстве был широко распространен и растительный орнамент в разнообразных формах, и антропоморфическое искусство. Кочевники имели возможность воспользоваться не только результатами труда городских ремесленников, но и освоить их достижения, применяя их труд в своих целях и на своих или подвластных территориях.

Исходя из этих факторов и опираясь на труды исследователей истории фольклора, этнографов, а также на изучение раннесредневекового декоративного искусства³³, мы выделили общие черты и некоторые закономерности формирования и развития обеих ветвей искусства. Это прежде всего типологическая однородность. В героическом эпосе – активная фаза формирования его нового «пласта», в декоре – формирование особого раннесредневекового стиля. Стиль в эпосе – типичность идей и образов, сюжетов и мотивов; в декоре – преобладание растительного геометризованного орнамента и подчинение ему других типов. Далее следует отметить широкое территориальное распространение; активную открытость новациям; восприятие элементов инородных, в том числе мировых религий; отбор определенных инородных образов, мотивов. Как итог перечисленного выше – создание на основе типологической однородности собственных вариантов (в эпосе – отличающих эпос одного народа от другого; в декоре – региональные варианты).

На основе этих закономерностей можно говорить и о некоторой общности стилистики и образов. Одна из главных характеристик такой общности – обобщение образов, их ирреальность (это относится и к растительному декору, в котором изначально заложена тенденция к стилизации и геометризации). Другая важная характеристика – декоративность. Для визуального искусства характерна декоративность как внешняя – формально-эстетическое свойство ярких и пышных образцов украшенных изделий, так и внутренняя – усиление образной осмысленности орнаментального искусства за счет включения изобразительных мотивов

³¹ Иванов 1961, 376.

³² Вайнштейн 1974, 157.

³³ Король 2008.

(зооморфных и антропоморфных образов). Орнамент и декор, благодаря известной «потребителям» этого искусства предметной или символической интерпретации его элементов, включены в мифолого-поэтическую систему конкретной культуры.

Для устного искусства характерна «орнаментальность», отмечаемая исследователями героического эпоса как его стилистическая особенность. Богатый и красочный язык повествования, наличие традиционных формул типа описаний-клише, отличающихся высокой поэтичностью и образностью, обилие их повторов создают поистине орнаментальную композицию внутри эпоса в виде ритмически повторяющихся мотивов. Они являются структурными элементами композиционного построения произведения. Обилие традиционных формул и их поэтика придают повествованию величавость, пышность и эффектность. «Орнаментальность – общее свойство фольклора и литературы эпохи феодализма. Она отмечается всеми исследователями средневекового искусства»³⁴. Такая насыщенная и развитая поэтика эпических произведений складывалась постепенно, но, по мнению историков фольклора, о наличии постоянных эпитетов и повторов-клише в раннесредневековом эпосе можно косвенно судить по памятникам орхоно-енисейской письменности тюрков последней трети I тыс.

К общности стилистики обоих видов искусства можно отнести и вариативность. Вариация в тюркском эпосе рассматривается как ведущий стилевой принцип повествования³⁵. Вариативность орнаментальных мотивов в декоре также присутствует, в ней отражается творческий подход как мастера, изготовлявшего изделие, так и условного «заказчика» или «потребителя», его использующего, а также действие внутренних законов развития самого орнамента.

Еще одно определение сходства – общие образы, в основном мифологические (тотемы, волшебные превращения, божественные помощники); а также усиление уже в раннесредневековый период дидактической функции зооморфных образов как в эпосе в поэтической форме, так и в декоре. Говоря об образах, нельзя не упомянуть героев – эпического (чаще всего всадник) и реального (воин тюркских дружин), которых сопровождает конь, главный спутник и помощник. Для них (воина и коня) как единого целого важны обязательно украшенные пояс, сбруя, снаряжение. В эпосе седлание коня – одна из традиционных формул-клише. В нем всегда присутствуют издающие «рассыпчатый звон» «золотые» узда/пояс или «украшенная золотом» узда, узда «с бронзой и серебром», «бронзово-золотой» пояс, пояс/сбруя «с узорами». А богатырь-всадник, «сияющий золотом», сверкает и светится, переливается в солнечном свете. Это фактически описание реальных сбруи и пояса раннесредневекового всадника, украшения которых действительно красивы и впечатляющи.

Последней из сформулированных характеристик общности стилистики и образов визуального и вербального искусства – значимость декора, что придает декорированным предметам особый смысл. В эпосе можно наблюдать, что декор функционален. В жизни значимость декоративного убора коня и пояса всадника, его снаряжения не только социальная (статусная), но и семантическая. Изображение (орнамент и декор) придает осмысленность утилитарной вещи. А мифологи-

³⁴ Унгвицкая, Майногашева 1972, 132.

³⁵ Кудияров 1986.

чески-художественная ее значимость усиливает и ее общественную значимость. Декор утилитарной вещи в жизни оказывается не только предполагаемо функциональным (его магическое значение), но и социально функциональным (его статусная роль).

Подводя итог, сформулируем кратко основные факторы, позволяющие говорить об общих закономерностях в развитии обеих ветвей искусства, а значит, и о возможности на своем уровне (не прямолинейном) сопоставления декоративного искусства и фольклорных источников. Первый – общность эпохи и процессов исторического развития. Второй – формирование мировоззрения участников этого процесса (тюркские племена, вокруг которых происходила консолидация разноплеменного населения) как на общей идейной основе того времени, так и на общей более древней основе (мифология сюжетов и сходство мифологических образов). Третий – активные и плодотворные контакты и обмен культурными достижениями внутри формирующейся общности тюркских народов, а также с народами крупных государств, входивших в орбиту их интересов.

Основные закономерности формирования и развития тюркского героического эпоса и декоративно-прикладного искусства (на примере Саяно-Алтая, шире – Центральной Азии) в раннем средневековье, а также элементы общности их стилистики и образов свидетельствуют, что как в традиционной культуре современных народов декоративное искусство и устное творчество – взаимодополняемые части народного художественного творчества в целом, так и в рассматриваемый период они были взаимосвязаны, являлись творческими аспектами одного явления и развивались по сходным законам.

Таким образом, обе ветви народного искусства (визуальное и вербальное) можно рассматривать как единый культурный феномен конкретной эпохи. Но при этом анализ художественной системы раннесредневекового декоративно-прикладного искусства кочевников Центральной Азии, ее особенности и сопоставление с эпосом (шире – фольклором, в котором отражены мифология и мировоззрение тюркских народов этого региона) показывают, что это искусство перспективно для изучения не конкретных прямолинейных сопоставлений (исключения крайне редки), а для выявления мировоззренческих основ и реальных исторических условий его возникновения и развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, В.П. 1977: Этногенетические предания, лингвистические данные, антропологический материал. В сб.: Р.С. Липец (ред.), *Этническая история и фольклор*. М., 9–32.
- Вайнштейн, С.И. 1974: *История народного искусства Тувы*. М.
- Вайнштейн, С.И., Липец, Р.С. 1980: Проблема взаимосвязи эпоса и народного изобразительного творчества. В сб.: Н.Ц. Биткеев (ред.), *«Джангар» и проблема эпического творчества тюрко-монгольских народов*. М., 61–71.
- Васильев, С.А., Березкин, Ю.Е., Дыбо, А.В., Козинцев, А.Г., Табарев, А.В., Слободин, С.Б. 2013: Заселение человеком Нового Света: предварительные итоги комплексного исследования. *Этнографическое обозрение* 3, 3–20.
- Грязнов, М.П. 1961: Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. В сб.: М.И. Артамонов (ред.), *Археологический сборник Гос. Эрмитажа* 3. Л., 7–31.
- Гребнев, Л.В. (ред.) 1960: *Сказания о богатырях: Тувинский героический эпос*. Кызыл.

- Дэвлет, Е.Г., Дэвлет, М.А. 2005: *Мифы в камне: Мир наскального искусства России*. М.
- Ермоленко, Л.Н. 2008: *Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии*. Томск.
- Жданко, Т.А. 1958: Каракалпакская эпическая поэма «Кырк кыз» как историко-этнографический источник. *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР XXX*, 110–120.
- Жирмунский, В.М. 1961: Введение в изучение эпоса «Манас». В кн.: В.М. Жирмунский (ред.), *Киргизский героический эпос «Манас»*. М., 85–196.
- Иванов, С.В. 1961: Орнамент. В сб.: М.Г. Левин, Л.П. Потапов (ред.), *Историко-этнографический атлас Сибири*. М., 369–435.
- Кореняко, В.А. 2002: *Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль* (Серия: Культура народов Востока). М.
- Короглы, Х.Г. 1983: *Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана*. М.
- Король, Г.Г. 2008: Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. *Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ)*. V. М.–Кемерово.
- Кудияров, А.В. 1986: Проблемы изучения художественного стиля эпоса сибирских народов. В сб.: В.М. Гацак (ред.), *Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока*. Горно-Алтайск, 114–149.
- Липец, Р.С. (ред.) 1977: *Этническая история и фольклор*. М.
- Липец, Р.С. 1982: Проблема взаимосвязей тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии (Труды советских археологов 40–50-х годов). В сб.: *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. IX (Труды Института этнографии. Нов. сер. 110). М., 186–208.
- Липец, Р.С. (ред.) 1983: *Фольклор и историческая этнография*. М.
- Липец, Р.С. 1984: *Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. М.
- Липец, Р.С., Серов, С.Я. 1977: Предисловие. В сб.: Р.С. Липец (ред.), *Этническая история и фольклор*. М., 3–8.
- Мусаев, С.М. 1984: Киргизский народный эпос «Манас». В кн.: С.М. Мусаев (ред.), *Манас. Киргизский героический эпос* (Серия: Эпос народов СССР). Фрунзе, 420–442.
- Неклюдов, С.Ю. 1984: *Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции*. (Серия: Исследования по фольклору и мифологии Востока). М.
- Орус-оол, С.М. (сост.). 1997: *Тувинские героические сказания. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока*. 12. Новосибирск.
- Панкова, С.В. 2012: Ошкольская писаница в Хакасии. В сб.: О.С. Советова, Г.Г. Король (ред.), *Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии* (Труды САИПИ IX). М.–Кемерово, 76–96.
- Путилов, Б.Н. 1977: Проблемы типологии этнографических связей фольклора. В сб.: Б.Н. Путилов (ред.), *Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами*. Л., 3–14.
- Путилов, Б.Н. 1986: Фольклорный процесс и этническая история Сибири и Дальнего Востока. В сб.: В.М. Гацак (ред.), *Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока*. Горно-Алтайск, 15–22.
- Рифтин, Б.Л. 1982: Общие темы и сюжеты в фольклоре народов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. В сб.: В.В. Петров, О.Л. Фишман (ред.), *Страны и народы Востока*. 23. М., 102–109.
- Рыбаков, Н.И. 2014: Мотивы центральноазиатского синкретизма и памятники междуречья Июсов. В сб.: В.И. Соенов (ред.), *Древности Сибири и Центральной Азии*. 7 (19). Горно-Алтайск, 194–201.

- Сагалаев, А.М. 1984: *Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния*. Новосибирск.
- Сагалаев, А.М. 1991: *Урало-алтайская мифология: Символ и архетип*. Новосибирск.
- Сагалаев, А.М., Октябрьская, И.М. 1990: *Традиционное мировоззрение тюрков Сибири: Знак и ритуал*. Новосибирск.
- Советова, О.С. 2005: *Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжетные образы)*. Новосибирск.
- Унгвицкая, М.А., Майногашева, В.Е. 1972: *Хакасское народное поэтическое творчество*. Абакан.
- Фадеева, И.Е. 1979: Народное искусство как пластический фольклор. В сб.: В.М. Полевой (ред.), *Советское искусствознание '78*. 1. М., 284–306.

REFERENCES

- Alekseev, V.P. 1977: Etnogeneticheskie predaniya, lingvisticheskie dannye, antropologicheskiy material [Legends of ethnic genesis, linguistic data, anthropological material]. In.: R.S. Lipets (ed.), *Etnicheskaya istoriya i fol'klor* [Ethnic History and Folklore]. Moscow, 9–32.
- Devlet, E.G., Devlet, M.A. 2005: *Mify v kamne: Mir naskal'nogo iskusstva Rossii* [Myths in the Stone: the world of rock art of Russia]. Moscow.
- Ermolenko, L.N. 2008: *Izobrazitel'nye pamyatniki i epicheskaya traditsiya: po materialam kul'tury drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Evrazii* [Depictive Sites and Epic Tradition: based on the materials of culture of ancient and medieval Eurasian nomads]. Tomsk.
- Fadeeva, I.E. 1979: Narodnoe iskusstvo kak plasticheskiy fol'klor [Ethnic art as a plastic folklore]. In: V.M. Polevoy (ed.), *Sovetskoe iskusstvoznanie '78* [Soviet Art Studies '78] 1. Moscow, 284–306.
- Gryaznov, M.P. 1961: Drevneyshie pamyatniki geroicheskogo eposa narodov Yuzhnoy Sibiri [Earliest heroic epic of the nationalities of Southern Siberia]. In: M.I. Artamonov (ed.), *Arkheologicheskiy sbornik Gos. Ermitazha* [Collected Archaeological Papers of the State Hermitage] 3. Leningrad, 7–31.
- Grebnev, L.V. (ed.) 1960: *Skazaniya o bogatyryakh: Tuvinskiy geroicheskiy epos* [Legends of Warrior-Heroes: Tuvinin heroic epic]. Kyzyl.
- Ivanov, S.V. 1961: Ornament [Ornament]. In: M.G. Levin, L.P. Potapov (eds.), *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow, 369–435.
- Korenyako, V.A. 2002: *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [The art of Central Asian peoples and animal style]. (Seriya: *Kul'tura narodov Vostoka* [Series: The Culture of the Nations of East]). Moscow.
- Korogly, Kh.G. 1983: *Vzaimosvyazi eposa narodov Sredney Azii, Irana i Azerbaydzhana* [Interrelations of the National Epic of Central Asia, Iran, and Azerbaijan]. Moscow.
- Korol, G.G. 2008: Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [The art of medieval nomads of Eurasia. Studies]. *Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva* [Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers]. V, Moscow–Kemerovo.
- Kudiyarov, A.V. 1986: Problemy izucheniya khudozhestvennogo stilya eposa sibirskikh narodov [The issues of studying artistic style of the Siberian peoples' epic]. In: V.M. Gatsak (ed.), *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore Heritage of the Siberian and Far Eastern Peoples]. Gorno-Altaysk, 114–149.
- Lipets, R.S. (ed.) 1977: *Etnicheskaya istoriya i fol'klor* [Ethnic History and Folklore]. Moscow.

- Lipets, R.S. 1982: Problema vzaimosvyazey tyurko-mongol'skogo eposa s izobrazitel'nym iskusstvom kochevnikov Evrazii (Trudy sovetskikh arkheologov 40–50-kh godov) [The issues of interrelations between the Turkic-Mongolian epic and the pictorial art of Eurasian nomads (the works of Soviet archaeologists of the 1940–1950s)]. In: *Ocherki istorii russkoy etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Studies of the History of the Russian Ethnography, Folkloristic, and Anthropology]. IX. Moscow, 186–208.
- Lipets, R.S. (ed.) 1983: *Fol'klor i istoricheskaya etnografiya* [Folklore and Historical Ethnography]. Moscow.
- Lipets, R.S. 1984: *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose* [The Image of a Warrior-Hero and His Horse in the Turkic-Mongolian Epic]. Moscow.
- Lipets, R.S., Serov, S.Ya. 1977: Predislovie [Foreword]. In: R.S. Lipets (ed.), *Etnicheskaya istoriya i fol'klor* [Ethnic History and Folklore]. Moscow, 3–8.
- Musaev, S.M. 1984: Kirgizskiy narodnyy epos «Manas». In: S.M. Musaev (ed.), *Manas. Kirgizskiy geroicheskiy epos* [The Kyrgyz folk epic “Manas”]. Manas. Kyrgyz heroic epic. (Seriya: Epos narodov SSSR [Series: The Epic of the USSR Peoples]). Frunze, 420–442.
- Neklyudov, S.Yu. 1984: *Geroicheskiy epos mongol'skikh narodov. Ustnye i literaturnye traditsii* [Heroic epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions]. *Seriya: Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka* [Series: Studies on the Eastern Folklore and Mythology]. Moscow.
- Orus-ool, S.M. (comp.). 1997: *Tuvinskie geroicheskie skazaniya* [Tuvinian heroic legends]. *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore Monuments of the Siberian and Far Eastern Peoples] 12. Novosibirsk.
- Pankova, S.V. 2012: Oshkol'skaya pisanitsa v Khakasii [Oshkol pisanitsa in Khakassia]. In: O.S. Sovetova, G.G. Korol (eds.), *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Depictive and Technological Traditions in the Art of North and Central Asia] (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva [Issues of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers]) IX. Moscow–Kemerovo, 76–96.
- Putilov, B.N. 1977: Problemy tipologii etnograficheskikh svyazey fol'klora [The issues of typology of the folklore ethnography relations]. In: B.N. Putilov (ed.), *Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami* [Folklore and Ethnography. The Interrelations between the Folklore and Early Beliefs ad Rituals]. Leningrad, 3–14.
- Putilov, B.N. 1986: Fol'klorny protsess i etnicheskaya istoriya Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore process and the ethnic history of Siberia and Far East]. In: V.M. Gatsak (ed.), *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore Heritage of the Siberian and Far Eastern Peoples]. Gorno-Altaysk, 15–22.
- Riftin, B.L. 1982: Obshchie temy i syuzhety v fol'klоре narodov Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka [Common themes and subjects in the folklore of the Siberian, Central Asian, and Far Eastern peoples]. In: V.V. Petrov, O.L. Fishman (eds.), *Strany i narody Vostoka* [The Countries and Peoples of the East]. 23. Moscow, 102–109.
- Rybakov, N.I. 2014: Motivy tsentral'noaziatskogo sinkretizma i pamyatniki mezhdurech'ya Iyusov [The motifs of Central Asian syncretism and the sites of the Iyus Rivers interfluv]. In: V.I. Soenov (ed.), *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. 7 (19). Gorno-Altaysk, 194–201.
- Sagalaev, A.M. 1984: *Mifologiya i verovaniya altaytsev. Tsentral'no-aziatskie vliyaniya* [The Myths and Beliefs of the Altaians. Central Asian Influence]. Novosibirsk.
- Sagalaev, A.M. 1991: *Uralo-altayskaya mifologiya: Simvol i arkhетip* [The Uralic-Altai Mythology: Symbol and Archetype]. Novosibirsk.
- Sagalaev, A.M., Oktyabr'skaya, I.M. 1990: *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Sibiri: Znak i ritual* [Traditional Views of the Siberian Turks: Sign and Ritual]. Novosibirsk.

- Sovetova, O.S. 2005: *Petroglify tagarskoy epokhi na Enisee (syuzhetnye obrazy)* [*The Tagar Period Petroglyphs on the Yenisei (Subject Images)*]. Novosibirsk.
- Ungvitskaya, M.A., Maynogasheva, V.E. 1972: *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [*The Khakass Ethnic Poetic Art*]. Abakan.
- Vasilev, S.A., Berezkin, Yu.E., Dybo, A.V., Kozintsev, A.G., Tabarev, A.V., Slobodin, S.B. 2013: Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: predvaritel'nye itogi kompleksnogo issledovaniya [Populating the New World: preliminary results of comprehensive research]. *Etnograficheskoe obozrenie* [*Ethnographic Review*] 3, 3–20.
- Vaynshteyn, S.I. 1974: *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [*The History of Tuva Folk Art*]. Moscow.
- Vaynshteyn, S.I., Lipets, R.S. 1980: Problema vzaimosvyazi eposa i narodnogo izobrazitel'nogo tvorchestva [The problem of interrelation of epic and folk pictorial art]. In: N.Ts. Bitkeev (ed.), «Dzhangar» i problema epicheskogo tvorchestva tyurko-mongol'skikh narodov [*“Jangar” and the Issue of Epic Art of Turkic-Mongolian Nations*]. Moscow, 61–71.
- Zhdanko, T.A. 1958: Karakalpakskaya epicheskaya poema «Kyrk kyz» kak istoriko-etnograficheskiy istochnik [Kara-kalpak epic poem “Kyrk Kyz” as a historical and ethnographical source]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology USSR AS*] XXX, 110–120.
- Zhirmunskiy, V.M. 1961: Vvedenie v izuchenie eposa «Manas» [Introduction to the studying the “Manas” epic]. In: V.M. Zhirmunskiy (ed.), *Kirgizskiy geroicheskiy epos «Manas»* [*The Kyrgyz Heroic Epic “Manas”*]. Moscow, 85–196.

DECORATIVE ART AND FOLKLORE SOURCES:
THE POSSIBILITY OF COMPARING

(based on material of the early medieval metal decorative items of Central Asia)

Galina G. Korol*, Olga B. Naumova**

* *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
ggkorol08@rambler.ru

** *N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
olganaumova@mail.ru

Abstract. In the article, the issues related to the question of legality and real possibility of comparison of images, motives, plots in art with materials of folklore sources – myths, epic works, folk legends, fairy tales and so forth that frequently arises before researchers of ancient and medieval art are discussed. The authors not only pay strict attention to the Turkic epic, the main layer of which, according to experts, was formed in the Early Middle Ages but also identify the aspects of its formation and development. This type of folklore is the most demanded one when studying the possibilities of its application the interpretation of decorative art of the early medieval nomads of Central Asia. A belt set mainly represents the latter and other non-ferrous metal objects adorning the horse and rider. The objects are decorated in a specific style, which became common among nomads in the Early Middle Ages. Based on the depictive system of ornamentation and decoration represented by vegetative, zoomorphic, anthropomorphic subjects and geometric themes including semantic motifs we can consider the connection between decorative art of different epochs and the epic, which has been assumed by many researchers. The analyses of both forms of art – visual and verbal – made it possible to formulate common

features of their stylistics and images, as well as some patterns of development. Both branches of art can be regarded as a single cultural phenomenon of a particular era. The research specifies the level of comparing of these art types by the example of structural elements distinguished in the depictive system of decorative style. The authors conclude that the early medieval decorative and applied art of Central Asian nomads is promising for revealing the world outlook and the real historic conditions for its emergence and development rather than for studying specific straightforward comparisons (although exceptions exist).

Keywords: Early Middle Ages, nomads, Central Asia, decorative and applied art, belt ornaments of non-ferrous metal, decorating system, folklore, heroic epic
